

00-30
223-5

286мд.

Государственная академия славянской культуры,
Лаборатория "Агиология и культура"

И. К. Кучмаева
ПОДВИГ ПАМЯТИ
в.п. в.п.

(Материалы к трилогии)

КНИГА МНЕЕ
ДЕКАТ
ISBN 5-8236-1-010-4
Москва
2000

205-2

Рекомендовано к печати на заседании Академической Думы
(Ученого совета) ГАСК. Протокол №ХІ-00 от 29.03.2000.

Автор выражает глубокую признательность за помощь, оказанную при подготовке рукописи к печати, архимандриту Иерониму (Карпову), В. Ф. Козлову, В. Н. Расторгуеву, Т. М. Мамыкиной, Н. Ф. и В. И. Борячек, Н. Б. Терещенко, Ю. В. Робинову, Г. В. Галицкой, В. В. Легостаеву, игуменни Крестовоздвиженского монастыря Фамаиде, сестрам Марфо-Мариинской обители, М. Н. Громову, В. П. Низову, Е. М. Самойлову, Ю. Г. Кучмаевой, М. И. Баевой.

РОССИЙСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
2000

Кучмаева И. К. Подвиг памяти (Материалы к трилогии). — М.:
Государственная академия славянской культуры, 2000. — 164 с., ил.

ISBN 5-85291-010-4

©

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	4
I. СТАНОВЛЕНИЕ	5
II. В ОКРЕСТНОСТЯХ ВЕЛИКОЙ ОБИТЕЛИ	31
- «Храни, Великий Князь, заветы старины...»	38
- Культурная среда Великокняжеской семьи	44
- Обывденная жизнь в Ильинском	49
- Завещание Великого Князя	62
III. РУБЕЖ	65
- Молитвенный памятник	72
- Возведение Сергиева скита	77
- В память всех погибших во время смут	83
- Доброе имя	87
IV. ПАМЯТЬ КАК МАКСИМА ПОВЕДЕНИЯ	93
- Дети	95
- Поклонение святым	106
- Память о почивших друзьях	112
V. В ПОРУ НАРОДНЫХ БЕДСТВИЙ	115
VI. Друзья Великой Княгини	127
- Духовные наставники	129
- Юсуповы в жизни Елизаветы Федоровны	136
- «Истинно православный священник»	144
ЭПИЛОГ	157
ПРИМЕЧАНИЯ	159

Предисловие

У каждого человека есть право на особое видение мира культуры прошлого и одновременно возрастающая с годами потребность во всыкательном отношении к формированию глубоких смысловых уровней освоения культурного наследия. Не случайно поэту сегодня так актуально звучат два давних вопроса: “что наследовать?”, “как наследовать?”. Современного человека уже не удовлетворяют ответы на эти вопросы, построенные на компромиссе с капризной модой. Необходимо обращение к надежным критериям, способным стать своеобразным ключом к раскрытию сущности тех или иных явлений культуры прошлого.

Однако можем ли мы быть уверены в том, что, выбирая направление жизни, обращаясь к необъятным пластам культурного наследия, мы обладаем наилучшими критериями для этого? Но где же как не внутри духовной культуры возможно разыскать такие критерии, ориентированные на абсолютные ценности, которые можно и должно чтить всегда и повсюду, что бы ни случилось.

Можем ли мы обрести свое подлинное призвание, свои ценности-критерии, не совершая подвига памяти, то есть не становясь наследниками и продолжателями жизни наших авторитетов внутри духовной культуры?

Может ли каждый из нас состояться как личность, если мы не рождаемся духовно, если память не становится максимальной нашего поведения?

Понимаем ли мы до конца, что бытие окружающего мира существенно зависит от того, сумеем ли мы разыскать и обрести в культурном наследии своих духовных родителей, принимаемых за совместно чтимые авторитеты?

Эти вопросы неотступно вставали перед автором при подготовке к печати рукописи, посвященной подвигу Великой Княгини преподобномученицы Елизаветы Федоровны, который она повседневно совершала в память о Великом Князе Сергее Александровиче, стремясь к наиболее полному и достойному выражению этой памяти.

Предлагаемая вниманию читателя книга – это в определенной мере систематизированные материалы к трилогии, посвященной Великой княжеской семье, которую предполагается издать к Дню памяти Великой Княгини в будущем году.

Трилогия создается в надежде на то, что, обращаясь к памяти этого уникального семейного союза, среди множества разных ролевых обликов и привычных нам образов поведения, в делах серьезных и досужих, мы сможем догадаться и осмыслить, какова могла бы быть наша наиболее подлинная и достойная жизнь, ради которой стоило родиться на свет, никогда не сожалея об этом.

I. СПАНОВЛЕНИЕ

“Только живите достойно благовествования Христа, чтобы мне, приду ли я и увижу вас, или не приду, слышать о вас, что вы стоите в одном духе, подвизаясь единодушно за веру Евангельскую, и не спрашиваетесь ни в чем противников: это для них есть предзнаменование погибели, а для вас – спасения. И сие от Бога, потому что вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него таким же подвигом, какой вы видели во мне и ныне слышите о мне” (Флп. 1, 27–30)

Послание к Филиппийцам Святого Апостола Павла

В течение многих десятилетий дети России не встречали в учебниках ни одного упоминания о Великой Княгине Елизавете Федоровне. Их учили многому, но не научили главному. Поэтому очень часто с младенчества начиналась искусственная растрата сил. В лучшем случае вырастали хорошие профессионалы, не готовые найти свой духовный путь среди сменявшихся друг друга дней и событий.

Несмотря на то, что в России рубежа веков жило немало святых людей, оставивших заметный след в истории и культуре, Великая Княгиня Елизавета Федоровна занимает в их ряду достойное место. Ее жизнь украсила новыми обортонами звучание таких слов, как “милосердие”, “целомудрие”, “терпимость”.

В воспоминаниях современника Великой Княгини архиепископа Анастасия отчетливо проступает отличительная характеристика Елизаветы Федоровны – редкая целостность ее личной духовной культуры.

Сегодня, когда в сознании детей насаждается потребительское отношение к культуре, когда с помощью СМИ в человеке пытаются пробудить животные инстинкты, а заигноризированный зритель готов воспринять все, что ему предлагают, вопрос о целостности личной культуры выступает на первый план.

Целостность духовной культуры формировалась в Великой Княгине под влиянием той среды, в которой она воспитывалась в герцогстве Дармштадском и в Англии, под влиянием бабушки, королевы Англии Виктории.

“Воспитание Великой Княгини было спартанским”¹, – таково единодушное мнение ряда биографов Елизаветы Федоровны. Принцесса Алиса, мать Эллы, с раннего детства воспитывала в детях трудолюбие и огромное желание помогать всем обездоленным. В год смерти матери Элле было 14 лет. С тех пор и до конца жизни она с особой чуткостью относилась к детям-сиротам, рано ощутив собственное сиротство. Несмотря на огромную любовь к внучке бабушки королевы Виктории, она была

слишком занята, чтобы заниматься повседневным воспитанием Эллы. Кроме того, "идеалы королевы по воспитанию детей отличались строгостью, если не сказать — суровостью"⁷².

Уже в ранние годы юная Елизавета была хорошо подготовлена к той роли, которую ей предстояло сыграть, став женой Великого Князя Сергея Александровича. В письме к брату она называет его "настоящим ангелом доброты"⁷³. Незаурядные способности, которыми наградила ее природа, получили хорошее развитие в сфере обучения языкам, музыке, искусству. С юных лет стремясь оценивать человека и явление в целом, избегая односторонних суждений, она была беспощадна к своим ошибкам и всегда склонна прощать просчеты других. Прибыв в Россию, она предстала перед Царским Домом и народом как человек высокой нравственности, культуры и благородства.

О юной Елизавете все, впервые увидевшие ее в Петербурге, говорили как о человеке, полном очарования и женственности. Восхищались ее улыбкой, нежным румянцем, тонкой кожей, ее почти робким взглядом глубоко посаженных, удлинненных, ярко голубых глаз. "Она была подобна лилии, — вспоминает Мария, королева Румынии, — ее чистота была абсолютна; невозможно было оторвать взгляд от ее облика"⁷⁴. Лейтмотивом многих суждений о юной Елизавете была мысль — "она подобна видению". Каждый хотел встать на колени, когда она проходила мимо, замечает королева Румынии, в надежде, хотя бы на секунду, прикоснуться к краю ее платья.

Подобным же образом отзывался о Великой Княгине посол Франции в России Морис Палеолог. Он вспоминал об обеде с Великой Княгиней в 1891 году в Париже: "Я мог только созерцать ее — высокую и стройную, с открытым и пронизательным взором, нежными, мягкими губами, изящными чертами лица, прямым аристократическим носом. Все в ее облике было исполнено чистоты и изящества, ритм ее движений и жестов был полон элегантности. Беседа с ней обнаруживала очаровательный

интеллект женщины, лишенный стремления к аффекту, созерцательный и мягкий"⁷⁵.

В 1914 году, когда посол вновь встретился с Великой Княгиней после страшной для нее трагедии, он был вновь покорен ее личностью, ее особым стилем отношения к людям. "Несмотря на то, что ей было уже около пятидесяти лет, — вспоминает Палеолог, — она сохранила стройную фигуру и всю ее прежнюю грациозность. Под длинным белым покрывалом она была столь же элегантна и притягательна, как и в давние дни, до ее вдовства"⁷⁶.

В беседе с Великой Княгиней Палеолог ощутил ее глубокую духовность, которая проглядывала во всем — в манере разговора, в низком, мягком тоне голоса. Все в ней располагало к общению.

Внешний облик Великой Княгини, красноречиво свидетельствующий о ее духовных дарах, заслуживает отдельного исследования. Но нас в данном случае более всего волнует вопрос о том, что произошло в душе этой удивительной женщины после встречи с Великим Князем Сергеем Александровичем.

О детстве и юности Елизаветы Федоровны написано немало, поэтому мы ограничимся лишь некоторыми штрихами. Чтобы понять неизбежность ее встречи с Сергеем Александровичем, важно увидеть его детство, юность, совершеннолетие, понять огромную роль матери — императрицы в развитии Великого Князя.

Императрица с особой заботливостью относилась к воспитанию подрастающих Великих Князей, стремясь выбрать младшим детям тех наставников, которые уже работали со старшими. Она была убеждена, что в случае удачного выбора наставника достигается известная преемственность в деле воспитания "всех Царских детей"⁷⁷.

Первой воспитательницей Сергея Александровича была Анна Федоровна Тютчева, до того воспитывавшая Великую Княжну Марию Александровну, а воспитателем Великого Князя Павла Александровича становится Дмитрий Сергеевич Арсеньев — впоследствии главный воспитатель Сергея Александровича.

Самой важной задачей, наряду с выбором воспитателя, Императрица считала приглашение к ребенку преподавателя Закона Божия. Им стал протоиерей Иоанн Васильевич Рождественский, который заменил в этой роли Василия Борисовича Баканова в силу множества других обязанностей у последнего.

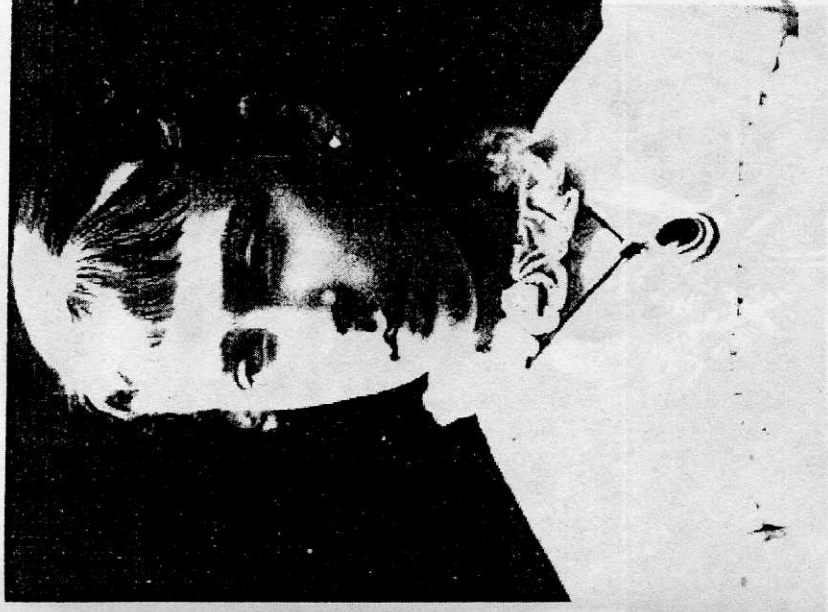
Императрица-мать считала чрезвычайно важным, чтобы законоучитель был одновременно и духовником ее детей. Трудно было представить в этой роли человека более соответствующего данной цели, чем протоиерей Рождественский. Высокие духовные качества отличали этого человека, глубоко и искренно верующего, благочестивого, благородного, обладавшего прекрасным ровным характером.

Будущий отец Иоанн успешно закончил Санкт-Петербургскую духовную академию, женился, преподавал в духовной семинарии. Но через несколько лет потерял жену и всех своих детей, после чего принял священство. Через некоторое время стал законоучителем детей Императора и одновременно настоятелем малой церкви Зимнего дворца.

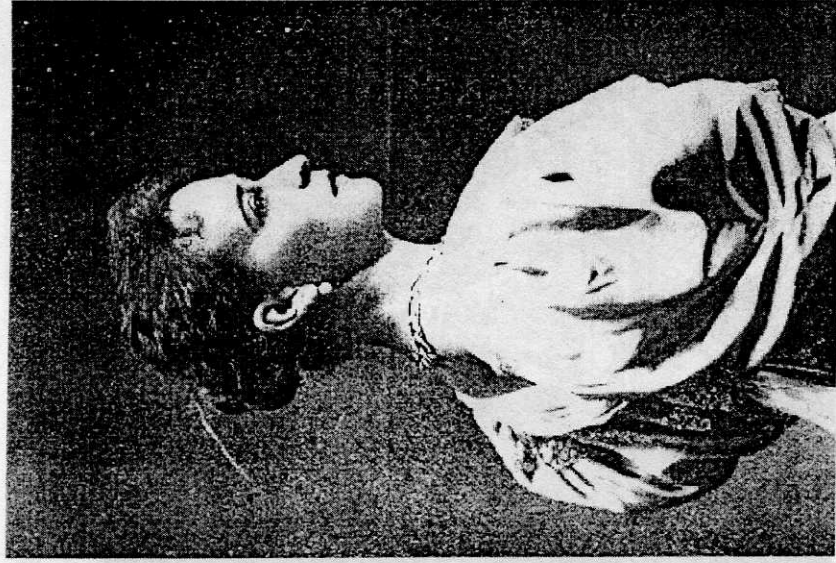
По мнению Императрицы, законоучитель — это духовник, наставник, друг, товарищ его воспитанников. А кроме того, это руководитель и советник воспитателей. Отец Иоанн, последовательно выполняя эту миссию, был тверд, но не фанатичен. В деле духовного воспитания царских детей имел в виду пользу церкви и цель их спасения, но не мнение света.

При выборе воспитателя или педагога для детей Императрица была готова мириться с неизбежными недостатками в характере людей, но было одно обстоятельство, которое немедленно останавливало ход переговоров: «если в его душу запала хотя малейшая капля протестантизма, то мы не сойдемся».

Иван Васильевич Рождественский сразу стал любимцем царской семьи, умел побалагурить, но при этом никогда не ронял своего достоинства. Напротив, порой, если требовалось, принимал «докторальный тон», не стесняясь в употреблении резких выражений, что ему охотно прощали.

Принцесса Елизавета в 11 лет, 1875

Великая Княгиня Елизавета

Будучи человеком одиноким, отец Иоанн много времени проводил с Сергеем Александровичем, играл с ним в шахматы и шашки, часто обедал с Великим Князем, никогда не стесняя последнего, и неизменно сохранял свой духовный авторитет.

Блестящее знание предмета соединялось у отца Иоанна с теплой любовью к Закону Божьему и искренней, сердечной привязанностью к своему августейшему воспитаннику.

Отец Иоанн основательно изложил Великому Князю всю историю христианства и утвердил в душе Сергея Александровича все догматы православной веры; он сам составил специальную книгу для изучения своего предмета, которую Князь Сергей хранил до конца своей жизни. Отец Иоанн познакомил Великого Князя со всеми иными религиями и ересями. Благодаря этому, Сергей Александрович стал очень сведущим, просвещенным и твердым в своих убеждениях. Он искренне полюбил не только суть православия, но и его обрядовую сторону. Великий Князь с раннего детства был прекрасно вооружен против всех нападок на православную веру.

В дни именин и рождений своего духовника Сергей Александрович стремился делать ему подарки. Сначала он подарил отцу Иоанну спокойное, удобное кресло перед письменным столом, затем – ковер к этому столу, чтобы не холодно было ногам, потом – хорошие настольные часы.

В день совершеннолетия Великого Князя (20 лет) он просил подарить отцу Иоанну красивый наперсный крест. Государыня сама выбирала камни для креста и заказала его рисунок. Этот крест отец Иоанн завещал Сергею Александровичу, который после смерти своего духовника одел крест в серебряный оклад и сделал из него наперстный крест, постоянно употреблявшийся на богослужениях в домовых храмах в Петербурге и в Москве. После убийства Сергея Александровича, крест был передан в храм-усыпальницу Великого Князя.

Умер отец Иоанн Рождественский в 1882 году, когда Сергей Александрович с братом был во Флоренции. Но уже за два года

до этого он был поражен параличом, который случился с ним от горя и страшного потрясения через несколько дней после кончины Александра II. Именно отец Иоанн приобщил умирающего Государя Святых Тайн, что еле смог исполнить.

Скулые строки из рукописи в архиве помогают представить духовный облик человека, который был в ряду немногих лиц, оказывавших решающее влияние на православное становление Великого Князя. Суть духовной школы отца Иоанна внушала к себе глубокое уважение. Он умел вести воспитанника за собой, обращая главное внимание на непререкаемые основы веры и руководствуясь при этом собственным духовным опытом. Будучи живым носителем заветов христианского милосердия и доброты, отец Иоанн вместе с тем считал строгость необходимым условием научения. Эта линия, проводимая духовником Великого Князя, выступает в его повседневном жизненном пространстве всегда достаточно рельефно. Пройдут годы, множество лет после кончины любимого духовника, но личная святость православного наставника, растворенная в душе его воспитанника, станет той золотой крупницей, которая укрепит подвиг веры Великого Князя.

Государыня с первых лет жизни сына думала о том окружении, в котором он будет пребывать в свободное время. Архивная рукопись сохранила для потомков поименное упоминание о тех, с кем проводил детские годы Великий Князь. Это были в основном дети старых русских семейств, созвучные по общему настроению друг другу. Первыми детьми, с которыми играл трехлетний Великий Князь, были девочки — Ольга и Вера Перовские, дочери генерал-адъютанта графа Бориса Алексеевича Перовского, воспитателя Великих Князей Александра и Владимира Александровичей; две дочери Анастасии Николаевны Мальцовой, лучшего друга Императрицы Марии Александровны; княжны Мария и Анастасия Гагарины, дочери вице-президента Академии художеств князя Григория Григорьевича Гагарина; дочь начальника военно-учебных заведений Николая Васильевича Исакова Мария (впоследствии жена князя С.И. Васильчикова); княжна Александра

Павловна Вяземская, внучка поэта; Е.К. Рихтер, дочь бывшего посланника России в Брюсселе; княжна Е.Д. Оболенская, внучатая племянница гофмейстерины Ее Величества Протасовой.

Вскоре к обществу девочек присоединились мальчики, их братья — князья Андрей и Александр Гагарины, князь Алексей и Николай Оболенские, четыре брата Бобринские, с которыми Сергей Александрович и Павел Александрович познакомились в Ницце в 1864—1865 годах и один из трех сыновей А.Н. Мальцовой, Николай Сергеевич, с которым Сергей Александрович сблизился в более поздний период своего отрочества.

Все это общество по воскресным и праздничным дням приглашалось к обеду и потом резвилось в Зимнем дворце. Побудням к Сергею Александровичу приглашали только одного прелестного, умного и доброго ребенка Сашу Гагарина, которого маленький Великий Князь особенно полюбил. Но зимой 1866 года мальчик заболел и внезапно умер. В течение всей жизни Сергей Александрович хранил портрет этого мальчика. Ко всем детям Великий Князь относился дружелюбно и пользовался любовью детского общества, но дружен ни с кем не был, кроме рано умершего Саши Гагарина.

Позднее Великий Князь наиболее дружеские отношения поддерживал с графинями Перовскими — близкими подругами Великой Княгини Марии Александровны. Особенно с Ольгой Перовской, которая отличалась умом, необычным для ребенка, высоким христианским настроением и нравственным развитием, стоицизмом. При этом Ольга была веселого нрава, любила шутить. Никогда не осуждала ближних. Как и у Великого Князя, смех ее был беззлобным, добродушным. После трагедии, которая произошла в семье Перовских, обе сестры отдалась делам милосердия. Великая Княгиня Мария Александровна после Русско-турецкой войны 1877—1878 годов основала в Царском Селе приют для детей раненых воинов. Управлению приютом посвятили себя сестры Перовские. В 1889 году от одной из девочек приюта Ольга Перовская заразилась дифтеритом. Ощущая близость

кончины, спросила врача, — “Я должна умереть?” Поняв, что это так, очень спокойно сказала — “С величайшим удовольствием”⁹. Исповедалась, причастилась и умерла в тот же день.

Из оставшихся друзей раннего детства Великий Князь очень тепло относился к А.Н. Мальцовой и княжне А.П. Вяземской, отличавшейся необыкновенной прямоотой и благородством характера.

В течение всей жизни дружеские отношения Великого Князя с женщинами определялись не их возрастом или внешней привлекательностью, но нравственной красотой.

До конца своих дней Сергей Александрович дружил с Королевой эллинов Ольгой Константиновной и гофмейстериной Великой Княгини Елизаветы Федоровны княгиней Марией Александровной Голицыной, отличавшейся ярким умом, разносторонним образованием, редкой сердечной добротой и благородством характера. Кроме этих двух дам, в последние 25 лет жизни Великого Князя не было новых дружеских связей с женщинами. Все его внимание сосредоточилось на Елизавете Федоровне.

Особые дружеские чувства связывали Сергея Александровича с двоюродным братом Великим Князем Константином Константиновичем, который с 1867 года постоянно приезжал в Зимний дворец. Они вместе гуляли в Таврическом саду, любили кататься там на коньках, пили чай в комнатах Сергея и Павла Александровичей. Серьезные дружеские отношения укрепились, когда им было примерно по 15 лет и у Константина Константиновича открылся поэтический талант, столь симпатичный Сергею Александровичу. Кроме любви к поэзии их сближало искреннее религиозное чувство. Они вместе путешествовали по России и в Палестину. “Все нежные струны его любящей души находили себе отклик в окружавшей его обстановке и среде”¹⁰, — такое ощущение вызывал облик Великого Князя у близко знавших его людей.

В Царском Доме все с исключительным почитанием относились к главному воспитателю Сергея Александровича

Дмитрию Сергеевичу Арсеньеву, который ежедневно вел подробный журнал, отражавший повседневную жизнь его воспитанника.

Заслуживает внимания переписка Императрицы с Дмитрием Сергеевичем в 1865 году во время пребывания Сергея Александровича с воспитателем в Москве. Императрица искренне благодарит воспитателя, за то, что он не балует Сергея Александровича и умеет быть строгим, когда это необходимо. Особенно ее волнует поведение сына в церкви, отношение его к богослужению. “Действительно ли он более внимателен в церкви? — вопрошает мать. — Я так этим дорожу”¹¹.

Д.С. Арсеньев воспитывал в Сергее Александровиче открытость по отношению к родителям. Они вместе молились, читали Евангелие, много беседовали, вместе гуляли. Дмитрий Сергеевич решительно наказывал своего августейшего воспитанника, когда он капризничал. Но это никогда не нарушало их искренней, ободной любви. Говоря о ближайшем окружении Сергея Александровича, нельзя не упомянуть об основных лицах Двора. Первым лицом при дворе был Александр Владимирович Адлерберг — министр двора, очень хорошо образованный и блестяще воспитанный человек, пользовавшийся непререкаемым успехом у всех. Второе лицо двора — граф Андрей Петрович Шувалов — обер-гофмаршал, прекрасно воспитанный человек с изящными манерами, придворный этикет был предметом его культа. Он повсюду сопровождал Императрицу, которая ни в чем не могла его упрекнуть, но не любила его. А.П. Шувалов умер за границей. В путешествиях его заменил Князь Владимир Иванович Барятинский, не отличавшийся большим умом, но добрый, милый, очень приятный в общении человек.

Зависть всех придворных дам вызывала уже упомянутая выше А.Н. Мальцова, лучший друг Императрицы. Очень близка к Императрице была и А.Ф. Тютчева. Но из-за ее вспыльчивости, недержанности Императрица к ней охладела. Тютчева оставила должность воспитательницы царских детей, хотя на всю жизнь

сохранила преданность Императрице и ее детям. Она вышла замуж за Ивана Сергеевича Аксакова, давно просившего ее руки. Воспитательницей Великой Княжны стала графиня Александра Андреевна Толстая, очень образованная, строгих христианских правил, но тоже с тяжелым характером, несдержанная.

С 1866 года началось систематическое обучение Великого Князя, рассчитанное на 11 лет. При очень хороших природных данных и прекрасных педагогах Сергеей Александрович получил основательные знания, развил свои интеллектуальные способности, которые отличали Великого Князя всю жизнь. Каникул между занятиями не было. Позволялось лишь сокращать размер занятий во время пребывания за границей или в Крыму.

Преподавателем русского и латинского языков был Константин Васильевич Кедров – яркий, энергичный добрый человек, которого очень уважал Сергей Александрович. По иному складывались отношения с преподавателем математики Ф.Ф. Эвальдом. Этот предмет давался Великому Князю с трудом. Эвальд – сухой, педантичный человек не понимал впечатлительную, живую, поэтическую натуру Великого Князя. В результате произошел разрыв.

Самый добрый отклик в душе Сергея Александровича нашел великолепный преподаватель географии Георгий Федорович Вегнер. В его работе с учеником было много изобретательности. Они вместе чертили карты, лепили изображения тех или иных местностей, с особенностями которых учитель ознакомил ученика.

Историю преподавал Иван Терентьевич Осинин, сын русского священника в Копенгагене. Его преподавание было проникнуто теплым религиозным чувством и патриотизмом. Он был возле Сергея Александровича постоянно, даже тогда, когда для Великого Князя был приглашен профессор К.Н. Бестужев-Рюмин, а затем профессор С.М. Соловьев.

Немецкий язык и литературу преподавал немец Юлий Готлибович Кирхнер, директор Немецкого училища в Петербурге, очень образованный опытный педагог. Великий Князь увлекся

немецкой поэзией и с воодушевлением декламировал стихи немецких поэтов. Кирхнер часто бывал в гостях у Сергея Александровича. Когда Великому князю исполнилось 14 лет, он вместе с Кирхнером совершил поездку по Рейну, которая обратилась в настоящее литературное и поэтическое па-ломничество, доставившее огромное наслаждение и пользу. Они вдвоем наперебой декламировали стихи Гейне, Гёте и других немецких поэтов. Сергей Александрович всегда с благодарностью помнил об этом педагоге.

Очень образованным, сведущим в английском языке и литературе был господин Мечин, который некоторое время являлся также воспитателем Великого Князя, помогая в этом Д.С. Арсеньеву. Этого педагога отличало удивительное благородство и сдержанность. Сергей Александрович достиг с его помощью истинного понимания Шекспира.

Блестящее знание французского языка, благородство, кротость, прекрасный характер отличали Льва Федоровича Лакоста, который преподавал Великому Князю этот язык. В числе немногих в 1883 году он был приглашен в Дармштадт на помолвку Сергея Александровича и Елизаветы Федоровны. В последние годы жил с семьей во Франции. Сергей Александрович и Павел Александрович всегда помогали ему, присылая деньги. В надписи на мраморной доске дома Лакоста в Париже обозначены начальные буквы имен Сергея и Павла Романовых. Елизавета Федоровна тоже очень любила Лакоста, который приезжал к ним в Москву и Ильинское. Лакост постоянно благодарил Бога за счастье, дарованное Сергею Александровичу и его супруге. Лакост умер в 1900 году. Сергей Александрович очень скорбел, оплакивал своего учителя и друга.

Успехов в обучении игре на фортепьяно Сергей Александрович не достиг, хотя его учителем был прекрасный пианист и педагог Кюндингер. Но Великий Князь отличался большой музыкальностью, любил музыку, преимущественно серьезную. Как говорили близкие ему люди, он мог напевать целые арии и являлся

тонким знатоком церковной музыки, к которой был с детства приучен, слушая придворную певческую капеллу и знаменитый Шереметевский хор.

К рисованию у Сергея Александровича было природное расположение. В этой области он достиг таких успехов, что к праздникам часто дарил Императрице свои акварельные рисунки, что ее очень радовало.

Первым учителем Великого Князя был академик живописи Бейдеман. Заказывая те или иные иконы, Императрица обращалась именно к нему. Ему она поручила написать все иконы для иконостаса Ливадийской церкви. Императрица ценила в его иконах строго православное письмо, святость и чистоту изображения ликов святых. Уроки Бейдемана Сергей Александрович очень любил и был крайне огорчен, когда через три года учитель живописи умер. Великий князь постоянно заботился о материальном обеспечении вдовы Бейдемана и делал много доброго и ей и детям. После смерти Бейдемана учителем живописи Великого Князя стал академик барон Клодт, которого Сергей Александрович также очень любил. Впоследствии, чтобы оказать своему бывшему учителю материальную поддержку, Великий Князь покупал его картины.

Любовь к живописи Сергей Александрович унаследовал от матери. Императрица предпочитала картины духовного, религиозного содержания. У нее были хорошие копии с картин Рафаэля, Беато Анжелико и других мастеров. Она любила акварели, имела прекрасную коллекцию; предпочитала пейзажи и интерьеры. Из современных русских художников любила Неффа. Его "Моление о чаше" и "Ангел молитвы" находились во многих покоях ее резиденций.

Когда Сергею Александровичу исполнилось 15 лет, Императрица просила Неффа показать Великому Князю сокровища Эрмитажа в течение двух зим. Нефф изучал с Сергеем Александровичем картины Эрмитажа по школам, ограничиваясь при каждом посещении несколькими картинами, чтобы не утомить

Великого Князя и не притупить в нем чувство изящного. В беседах Неффа, помимо высокого профессионализма, было много горения, любви к тому, о чем он говорил. Учитель внимательно выслушивал ученика, поправлял и уточнял некоторые суждения Сергея Александровича. По мнению Д.С. Арсеньева, "эти дружественно-художественные отношения престарелого Неффа к юному Великому Князю были и милы, и трогательны, и симпатичны"¹².

В 1880 году во Флоренции юный Сергей Александрович подружился с Киаваччи, директором Флорентийской академии живописи и знатоком всех итальянских школ живописи. Под его руководством Великий князь изучил все Флорентийские галереи, особенно часто посещая монастырь св. Марка, где любовался фресками Беата Анжелико, духовная высота и необычный эстетизм которых приводили его в восторг.

В результате глубоких занятий живописью Сергей Александрович стал не только любителем, но и знатоком живописи. Он высоко ценил и прерафаэлитов, и многообразные школы отечественных и зарубежных художников вплоть до символистов и декадентов. Но любил только то, что заслуживало внимания в эстетическом отношении, не руководствуясь при этом ни модой, ни современными увлечениями. Любил и пейзаж, и историческую живопись, и исторический портрет. Постоянно пополнял свою картинную галерею, приобретая подлинники, заказывая хорошие копии. Великий Князь любил общество художников, очаровываясь их тонким пониманием искусства, добротой.

Не только развитым художественным вкусом, но и удивительным отношением к художникам Сергей Александрович обязан матери, которую он обожал, дорожил ее эстетическими наклонностями, ее нравственным обликом. Автор рукописи замечает, что "эти чувства его к матери составляли основную часть его духовной личности"¹³. Великий Князь был счастлив, что в супруге нашел те же качества, что и в матери; радовался познаниям и умениям Елизаветы Федоровны в области

изобразительного искусства. Но в ознакомлении супруги с итальянскими школами живописи Сергей Александрович был ее руководителем.

Уроки танцев у Сергея Александровича начались в 1866—1867 годах. Учитель танцев приглашал на уроки танцев старого скрипача Мурашкина. Великий Князь разговаривал со старым артистом ласково, к праздникам обязателен помогал ему материально и дарил приятные, полезные вещи. Мурашкин раньше был крепостным. Все относилось к нему с небрежением, кроме Сергея Александровича, которого старый скрипач обожал.

“Сергей Александрович, — читаем в архивной рукописи, — любил танцевать и умел танцевать, танцуя с тем изяществом и той грацией, которыми отличались все его движения, и притом с той скромностью и тем достоинством, которые были ему свойственны как прирожденным его качества”¹⁴.

С детства два места на земле были особенно дороги Великому Князю: Ильинское и Ливадия. Почему? Не только из-за редкой красоты этих мест. Главное состояло в том, что именно здесь он мог быть в постоянном общении с теми, кого любил более всего на свете — с отцом и матерью.

Об Ильинском речь пойдет далее. А сейчас — о Ливадии, где жизнь Великого Князя была праздником. “Нигде, кроме разве Ильинского, — замечает автор архивной рукописи, — не приходилось ему проводить столько времени с родителями, сколько он мог проводить в Ливадии”¹⁵.

Чтобы представить себе образ жизни Сергея Александровича в Ливадии, достаточно обратиться к дневнику его главного воспитателя Д.С. Арсеньева “Осень в Ливадии, 1866”. День девятилетнего Великого Князя начинался с обливания холодной водой комнатной температуры, далее — умывание, молитвы, чтение Евангелия, что в общей сложности составляло 45 минут. 7.45—8.45 — прогулка в саду с братом. С 9.00 до 10.00 — первый урок. С 10.00 — купанье в море и урок гимнастики. 12.45—13.45 — второй урок. 14.00 — обед, затем до 15.30 — свободное время.

15.30—16.00 — урок музыки. С 16.00 до 19.00 — прогулка верхом или в экипаже. 19.00 — ужин, затем чтение вслух. 20.00 — молитвы, сон.

Разумеется, в период Ливадийского отдыха не было оснований для резких конфликтов между воспитателем и его августейшим учеником. Но достоин внимания тот факт, что Д.С. Арсеньев использовал в воспитательных целях каждую ситуацию для постоянного движения Великого Князя к нравственному совершенствованию. Так, однажды, после посещения в Кореизе вдовы наместника княжны Горчаковой Великий Князь, вслушиваясь во французскую речь княгини, сказал воспитателю: “Я слышал, она сказала, что я красив”. Арсеньев очень деликатно, но серьезно поправил своего питомца: “Она сказала только, что Вы милы, и это правда, потому что Вы были очень вежливы с ней”¹⁶. Этот небольшой диалог учителя и ученика свидетельствует о том, что воспитатель умел тактично указать Великому Князю на грех гордыни. Арсеньев наказывал Сергея Александровича за непослушание, но всегда без гнева и раздражения. Воспитатель был особенно строг, если своим отношением к молитве Великий Князь нарушал непреложный завет Императрицы.

Однажды Арсеньев заметил, что Великий Князь без внимания читал предобеденную молитву, а послеобеденную — с явным небрежением. Воспитатель поручил камердинеру немедленно увести Сергея Александровича, который заплакал и просил прощения. Но Арсеньев был строг и советовал подумать. Через некоторое время воспитатель пришел к своему воспитаннику и имел с ним долгую, серьезную беседу, напомнив, “как много для него сделал Господь, как грешна неблагодарность к Богу”¹⁷.

В день рождения Арсеньева Великий Князь заказал для своего воспитателя пирог, два букета и маленькие приятные вещицы. Но, несмотря на огромную радость, пишет Арсеньев, перед обедом “я должен был посадить его в угол за то, что он хотел без позволения съесть кусок малиновой лепешки”¹⁸. Этот, казалось бы, невинный

факт говорит о том, что в воспитании нет мелочей. Никакие меры не защитят человека от незнания элементарных правил поведения, если слово "нелзя" со всей ответственностью и определенностью ему не скажут в детстве. Наказывая Великого Князя за неучтивую шутку, за нарушение этики и этикета, Арсеньев постоянно искал формы воздействия на своего августейшего воспитанника.

Так, главный воспитатель приехал не раз к помощи ручного театра, с раздвижными занавесками, где подбирал такое театральное действие, которое помогало ему рельефно показать все безобразия невежливости и непослушания. В Царском доме любил ставить "Конька-горбунька", где роль Иванушки исполнил Великий князь Павел Александрович, а роль Царь-девицы доставалась Сергею Александровичу. Александр Ц, будучи в Ливадии, как и в столице стремился показывать детям спектакли профессиональных театров. Этой осенью отец пригласил их посмотреть балет "Конек-горбунек" и слушать оперу "Фенелла", которая очень понравилась юному Сергею Александровичу.

В свободное от учебных занятий время Великий Князь более всего любил бывать на море, купаясь или собирая разнообразные камни на берегу, с удовольствием лазал по деревьям, любил лакомиться виноградом и всегда очень стремился на ферму, которая после моря была самым желанным местом, где обитали добрые животные, где с удовольствием пили парное молоко. Здесь, в Ливадии, проявилась особая тонкость натуры Великого Князя по отношению к животным. В имении жил маленький котенок, к которому Сергей Александрович был очень привязан. Внезапная смерть котенка больно ранила Великого Князя. Он со слезами похоронил своего маленького друга, облил его духами, осыпал цветами и долго грустил после этой утраты.

Главным смысловым стержнем пребывания в Ливадии было, разумеется, участие в богослужениях, встречи с духовенством, празднование освящения Ливадийской церкви, которая отличалась особым эстетизмом стиля ее организации и росписи.

Существенным компонентом духовной жизни в Ливадии было регулярное посещение знаменитых православных монастырей Крыма, таких как Херсонесский, Георгиевский. Он был покорен также поездкой в Севастополь, рассказами адмирала Кислинского об осаде Севастополя. Во время поездок по Крыму дети радовались участию в ряде иллюминированных праздников; неоднократно с интересом посещали национальные праздники татар в Бахчисарае.

В свободные часы взрослые организовывали много игр, своеобразных конкурсов. Нужно было, например, рассказать какую-либо историю по-французски. С этой задачей братья Сергей и Павел справились отлично. Проводили много игр в вопросах — кто самая замечательная женщина, кто самый знаменитый человек и т.д. На последний вопрос Сергей Александрович без раздумий ответил — "Папа".

В эту ливадийскую осень состоялось знакомство с художником Айвазовским, который принял участие в путешествии Великих Князей с воспитателями Д.С. Арсеньевым и А.А. Толстой в Константинополь. Сергей Александрович был очарован видами Босфора и Константинополя.

Незабываемой была поездка царской семьи парходом в имение Айвазовского. Художник встретил парход в море на своем катере и вел его за собой к пристани. За катером Айвазовского шли четыре красивые гондолы, наполненные цветами, которыми гребцы усыпали волны моря перед царским парходом. С огромным радужием знаменитый художник показывал фонтаны и дом, театр у моря, картины. Представителям царской семьи был показан небольшой балет в греческих костюмах, поставленный детьми Феодосии. На прощанье художник подарил царской семье свои картины.

Осень в Ливадии дает ощутить некоторые отличия в строительстве жизни детей царской семьи. В каждом десятии и развлечении присутствует непререкаемый духовный авторитет родителей и воспитателей, постоянно

стремившихся умерять крайности в поступках августейших детей. Дозволено все, что не изменяет основному типу великокняжеского положения, что не снижает аристократизма в поведении и своего рода аскетической строгости жизни. Приветствуется каждый шаг, подвигающий духовную жизнь отрока на новую высоту. Пресекается все, что означало бы введение ребенка в далеко не безупречную сферу. В этой связи достаточно вспомнить, как решительно было пресечено детское, праздное любопытство Великого Князя, стремившегося в Константинополе присоединиться к А. А. Толстой, которая собиралась съездить в гарем одного из пашей. Отказ был столь твердым, что вопросов больше не возникало.

Поскольку в результате воспитания царских детей формировался тот слой людей, которые олицетворяли, представляли в мире Россию, воспитателю необходимо было, не раздражая августейших отроков, отстаивать ценностную линию Царского Дома, его христианские начала, помня о своей великой миссии. Образ воспитателей Великого Князя, и прежде всего, Д. С. Арсеньева убеждает в правоте мысли св. Феофана Затворника, что воспитание из всех святых дел самое святое. Усилиями и молитвами Императрицы, духовника, главного воспитателя и других педагогов происходило постепенное становление тонкого, доброго, благодарного, широко образованного человека, который в ряду русских Великих Князей занимает особое место.

Минуло детство, совершеннолетие. Великий Князь и не предполагал даже, как близка надвигающаяся перемена в его жизни. Хотя тревога перед поворотом в судьбе порою посещала его. Этот поворот был обозначен смертью горячо любимых отца и матери. Нам очень немного известно о тех обетах, которые в этой связи дал себе Великий Князь и никогда не изменил им. Чрезвычайно мало знаем мы о собственном внутренней стороне его жизни в эти годы.

Ни полковые сборы и праздники с театральными представлениями, ни встречи с родными и друзьями не спасали от чувства одиночества. Стремясь к близким, он в эти дни гостит то в Кобурге у родной сестры, то в Афинах у сестры двоюродной. Посылает в Кобург и своего любимого, тоже осиротевшего младшего брата Павла, поддерживает его своими теплыми письмами. "Мой дорогой Цып! Сейчас получил твое первое письмо из милого Кобурга. Я уверен, что тебе жизнь там понравится, как и мне. Это одно из лучших моих воспоминаний"¹⁹

Самому Сергею Александровичу предстояло еще несколько поездок за границу. Но предстоящие путешествия не унимали боль. "В сущности, — признался он в одном из писем, — мне страшно скучно ехать, и я бы в тысячу раз предпочел остаться в деревне — в Ильинском"²⁰.

Любящая, раненая душа Великого Князя искала друга, своей семьи. И Господь, молитвами его небесного покровителя и родителей, не оставил Сергея Александровича в безысходной печали.

С глубокого детства Великий Князь был соединен сердечной близостью с великогерцогским Гессен-Дармштадтским домом, где в 1865 году, в возрасте восьми лет он впервые увидел свою будущую супругу, когда крошечной Элле не было еще года. И вот теперь он вновь едет в Дармштадт, где в великогерцогском доме в этот год было несколько невест. Но выбор Великого Князя пал, разумеется, на Эллу.

Сергей Александрович вновь начинает видеть мир вокруг себя. Едет в Париж, но мысль о предстоящей женитьбе накладывает отпечаток нервозности, возбужденности на его переписку и времяпрепровождение. "Езжу много в театры, — пишет он из Парижа, — но они начинают мне надоедать"²¹. Вот он вновь в Дармштадте. В письме к брату сообщает о предстоящей помолвке — "грустно было уезжать из Дармштадта"²².

Стремление Великого Князя к новому образу жизни становится особенно заметным по возвращении в Петербург.

Готовясь к помолвке, он много времени проводит в храмах, обдумывает, чем может обрадовать свою невесту. Это с одной стороны. С другой — пробуждение к новой жизни происходит после Рождественского поста. В Петербурге много балов, в которые, казалось, с головой уходит Великий Князь. “Был с визитом у княжны Мери (*Княгиня Мария Николаевна Оболенская — И.К.*). Хочет устроить у себя танцы. Помнишь, как было весело в прошлом году”²³. А вот Сергей Александрович приглашен на бал к Маргарите Стенбок. “Бал был красивый. Нада (*дочь графини Стенбок — И.К.*) — пресимпатичная, миленькая. Танцевал с ней первую кадрили”²⁴. Приглашен к офицеру Преображенского полка Александру Александровичу Адлербергу. “У него играли комедию, и меня это очень забавляло... Мадам Эбелинг пела “шансонетки”, и даже каскадного свойства, я много болтал с нею и мадам Вейс. Вообще было очень мило”²⁵. Бал у Волконских, где Великий Князь мазуркировал с Мери Васильчиковой. Бал у Юсуповых и Гартонгов. Обедня. Большой завтрак с царем и царицей. Вечером цыгане, ужин, веселье.

В конце января пишет брату: “Наконец нахожу свободную минуту, чтобы тебе писать и все описать, мой дорогой Цып. Последняя неделя в Питере была сумасшедшая. Плясали почти каждый день... Вечером в пятницу был у Eugénie (*Приицесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская — И.К.*) в их дворце. Было замечательно красиво, в особенности в манеже, устроенном в виде зимнего сада; вместо музыки пели Семеновские певчие “подблюдные песни”²⁶.

Рассматривая некоторые внешние штрихи жизни Великого Князя перед помолвкой, мы намеренно опускаем массу “рабочих моментов”, связанных с его занятостью военной службой. Это задача другого исследования. Нас же более всего интересует вопрос становления личности Великого Князя, открывшейся Елизавете Федоровне. Даже в самой подготовке к помолвке ощущалась некоторая нерешительность, попытка избежать возможной ошибки, стремление закружиться в вихре вальса,

оттягивая слишком важное решение. Поэтому повышенный интерес к балам в то время вряд ли следует воспринимать буквально. Участие в балах было какой-то “охранительной” формой поведения накануне перехода значимого рубежа. Путь к святости Великого Князя был земным и не предполагал строгих аскетических ограничений. Вместе с тем, будучи с детства ревнителем высокой христианской жизни, он отчетливо видел тщету скоротечных земных восторгов. И очень рано предощутил неминуемость будущих испытаний и скорби.

На дворе был февраль. Великий князь сразу после военного парада отправился на вокзал, еле успев на поезд, увозивший его к избраннице. Он вез в подарок Елизавете Федоровне подвески из громадного сапфира, кабошон редких размеров и красоты, брошку бриллиантовую и жемчуга, кольцо с кабошоном сафировым и один из парижских вееров (как пригодились эти и множество других подарков при устройстве Марфо-Мариинской обители!).

И уже из Дармштадта в письме: “Нашел здесь совершенную весну — листья распускаются, весенние цветы тоже и воздух теплый. Элла, если можно, еще красивее... Я ее немного учу по-русски; между прочим учу ее словам “Боже, Царя храни”²⁷.

Первые слова, которыми Сергей Александрович обучал свою будущую супругу, сообщили ей главное — в его жизни духовное начало определяет все остальное. Состоялся живой разговор о живой вере, об избрании совместного долгого и трудного пути к спасению. Вступая на этот путь, Великий Князь увидел в личности Елизаветы Федоровны мир значительно более глубокий и богатый, чем он мог предположить. Упрощенное, плоское и поверхностное понимание брака исключалось, как несовместимое с их природой. Не будет преувеличением сказать, что в дни помолвки, где было много радости и веселья (на балах в их честь, признается Великий Князь, “мы с Эллоу усердно отплясывали”)²⁸, Сергей Александрович обрадовался избытку скромности и

смирения в его невесте, ощутил возможность предельного духовного самораскрытия.

В орбиту радостных событий втягивались все близкие и друзья. Из Афин Д.С. Арсеньеву спешит сообщить о своих чувствах любимый брат Сергей Александровича Павел: «Здесь в день получения известия мы отслужили благодарственный молебен, и так было отродно слышать, когда их обоих называли... Продолжает ли Сергей хотеть в Ильинское на первое время после свадьбы? Это, мне кажется, было бы очень хорошо»²²⁹.

С той же радостью на помолвку откликнулась первая воспитательница Сергея Александровича Анна Федоровна Аксакова (урожд. Тюгчева). В письме Великому Князю она пишет, что хотела бы подарить его невесте необычный подарок. Много лет назад Анна Федоровна подарила образ Богородицы матери Сергея Александровича в тот день, когда Мария Александровна стала императрицей. Этот образ всегда был с ней, перед ним она ежедневно молилась. Образ был возвращен А.Ф. Аксаковой после смерти императрицы. Этот образ Богородицы Трех Радостей был подарен после молебна и обета у раки преподобного Сергия перед рождением Сергея Александровича.

«Я бы хотела, — пишет Анна Федоровна, — чтоб Ваша невеста приняла этот образ как благословение, идущее от Вашей матери и от святого, который столько веков являлся покровителем России и который вместе с тем и Ваш покровитель»²³⁰.

Во втором письме Анна Федоровна Аксакова выражает огромную радость относительно того, что Сергей Александрович свято хранит память о своей матери. «Нельзя носить в душе своей образ такой Матери, не стремясь всеми силами души идти по ее священным следам на том пути, по которому она шла с такой чистотой и таким постоянством»²³¹.

К сожалению, современные интерпретаторы судеб Великокняжеской четы по-иному оценивают этот брак. Так, в упомынутой выше работе Л. Келер приводится краткая фраза отца Серафима, который знал Елизавету Федоровну лично и говорил, что «ее жизнь в замужестве была непрерывной тяжелой дорогой»²³². Л. Келер подчеркивает, что отец Серафим не раскрывает подтекста этой фразы. «Можно, однако, сказать, — пишет Л. Келер, — что ее замужество было, вероятно, одним из множества испытаний, которые Бог послал ей, начиная с ранней смерти ее матери, чтобы закалить ее сердце и приготовить к будущим страданиям и неизбежному мученичеству»²³³.

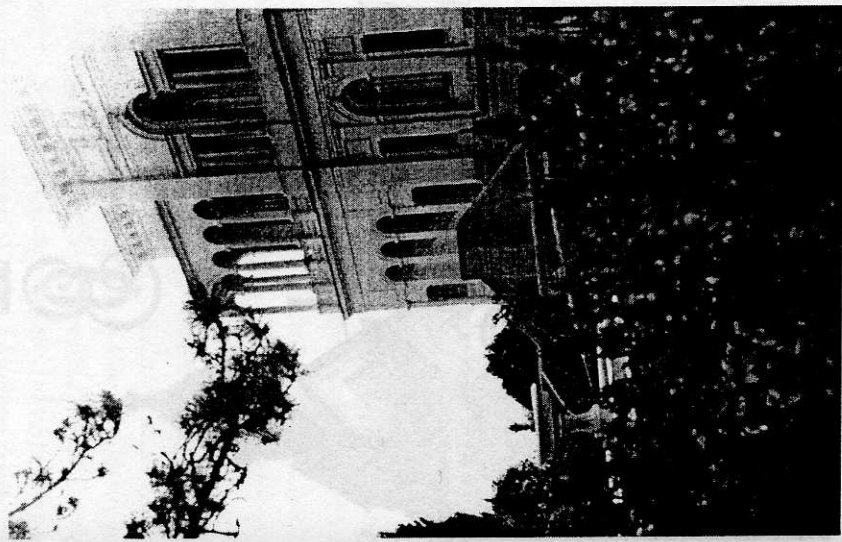
Не будем рассматривать сейчас другие, гораздо более радикальные точки зрения. Заметим лишь, что сказать о замужестве Елизаветы Федоровны, подчеркивая тяжесть этого креста, явно недостаточно. Великая Княгиня встретила в лице будущего супруга сильного, высокообразованного и эстетически одаренного человека, который во многом сумел повести свою избранницу за собой. Человека, до последнего вздоха сумевшего сохранить в чистоте заветы предков.

Великокняжеская чета являла своим бытием образец совершенного, целомудренного брака как особого типа духовной культуры. Значение этого брака становится понятным по мере того, как Великий Князь берет на себя все более широкий круг дел, где церковное начало если и не превагирует над государственным, то во всяком случае занимает самую высокую ступень в иерархии ценностей. Обыкновенные люди бессильны в понимании высот духовной жизни во всей ее полноте, поскольку главное видят в массиве престижных явлений, выпадающих на долю четы, в количестве отградных, солнечных дней. И упускают из сферы своего внимания то, что составляло подлинное счастье и уникальность

этого брака. Почин нового для Царского Дома, необычного, целомудренного подвига, скрепленного общим идеалом жизни, поднял авторитет Великокняжеской семьи на небывалую высоту.

Исторический документ, о котором мы говорим, представляет собой не только исторический документ, но и художественное произведение. Оно написано в форме повести, с характерными для повести приемами: описанием обстановки, диалогом, описаниями действий, сцен, пейзажем. Это произведение написано в форме повести, с характерными для повести приемами: описанием обстановки, диалогом, описаниями действий, сцен, пейзажем.

С точки зрения исторической науки это произведение представляет собой документ, который не только фиксирует факты, но и описывает их. Оно написано в форме повести, с характерными для повести приемами: описанием обстановки, диалогом, описаниями действий, сцен, пейзажем. Это произведение написано в форме повести, с характерными для повести приемами: описанием обстановки, диалогом, описаниями действий, сцен, пейзажем.

Дворец в Ливадии